
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ МЧС РОССИИ К УСЛОВИЯМ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОФИЛАКТИКИ ИНТОЛЕРАНТНОСТИ И ПРОЯВЛЕНИЙ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ ЖИЗНЕННЫХ УСТАНОВОК

**Е.О. Латышева, кандидат юридических наук.
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России**

Раскрыты причины проявления экстремальных жизненных установок в обществе, необходимость развития толерантности граждан и профилактики проявлений интолерантного поведения. Представлены анализ жизненных установок молодежи и источники интолерантного поведения, а также результаты исследования общественного мнения по разрешению данной проблемы.

Ключевые слова: общество, социальные процессы, толерантность, интолерантность, мигранты, ксенофобия, молодежь

SOCIOLOGICAL FOUNDATIONS OF PREVENTION OF INTOLERANCE AND MANIFESTATIONS OF EXTREME VITAL AIMS

E.O. Latysheva. Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia

The reason of manifestation of extreme vital aims in a society and needs of development of tolerance between citizens and prevention manifestations of intolerant behavior are described. The analysis of vital aims of young people and the sources of intolerant behavior and the results of public opinion research to solve the problem.

Keywords: society, social processes, tolerance, intolerance, migrants, xenophobia, youth

Профилактика интолерантного поведения должна учитывать многоплановость и разноуровневость этого явления. Самым общим уровнем проявлений интолерантности является уровень, охватывающий большие массы населения и связанный с идеологическими установками. В действительности здесь важно, чтобы у сотрудника правоохранительных органов сложилось понимание о том, до какого предела должно распространяться «терпение» государства, общества, правоохранительных органов в отношении различных социальных групп, истово проповедующих принципы толерантности, и их оппонентов, видящих в распространении в обществе терпимости абсолютное зло; средств массовой информации, которые, с одной стороны, недовольны «всестерпимостью» государства и правоохранительной системой в частности, а с другой – недовольны, когда эта «всестерпимость» преобразуется в реальные активные действия по пресечению тех или иных негативных процессов (например, марши «несогласных»).

Формируются два крайних подхода к определению границ толерантности.

Так, для одних толерантность раскрывается в терпимом отношении ко всему, что вызывает ужас и неодобрение общественного мнения, что идет наперекор (иногда сознательно) традиционно культивируемым в нашем обществе нормам и принципам, что ведет к дестабилизации социальной и политической обстановки. Это своего рода идеологема толерантизма. Для других, подразумеваемой и провоцируемой крайностью первого подхода, толерантность как реализация принципов толерантизма воспринимается как абсолютное зло, связанное с воцарением хаоса.

Однако если посмотреть более внимательно, острая дискуссия непримиримых врагов – толерантистов и антитолерантистов по своему существу не имеет ничего общего с проблемой собственно толерантности, особенно в ее практическом преломлении. Регулирование многообразными социальными процессами и отношениями, ввиду их сложности, приводит к тому, что, помимо деления их на «безусловно позитивные» и «безусловно негативные», в действительности выделяется значительная сфера «терпимых» отношений и процессов. Градации «терпимости» этих явлений также могут отличаться в зависимости от многих факторов: юношеский максимализм «условно позитивен» для такой социальной группы, как молодежь, но негативен или «безусловно негативен», если он становится формой проявления деятельности, например политической партии. «Толерантность – это санитарный кордон, отделяющий нормальное общество от зоны нетерпимых явлений. Толерантность позволяет отсечь явления, грозящие гибелью обществу» [1]. Толерантность, тем самым, будет позицией выработки иммунитета организмом общества, если это возможно, но также и «хирургическим вмешательством», если это необходимо.

Отсюда границы толерантности очерчиваются достаточно ясно: когда «терпимые» социальные отношения и процессы начинают агрессивно вторгаться в жизнь всего общества, когда «терпимое» начинает претендовать и навязывать себя как «безусловно позитивное», граница толерантности считается пройденной. Здесь общество, государство и правоохранительные органы должны начинать действовать – настало время «хирургического вмешательства», то есть интолерантного действия. Однако важно, «чтобы интолерантная корректировка из профилактической (терапевтической, хирургической) меры не превратилась в борьбу против многообразных проявлений самой толерантности. Для государства толерантность идентифицируется как принцип руководства и средство управления, для народа – как гражданская добродетель – один из важнейших элементов его политической культуры» [2].

«... Во имя терпимости следует провозгласить право не быть терпимым к нетерпимым. Мы должны объявить вне закона все движения, исповедующие нетерпимость, и признать подстрекательство к нетерпимости и гонениям таким же преступлением, как подстрекательство к убийству, похищению детей или возрождению работорговли» [3].

В плане государственного регулирования социальными процессами на сегодняшний день проблема состоит в том, что трансформировался механизм формирования современного общества. Так, если до недавнего времени основополагающим был принцип «плавильного котла», при котором базовые ценности общества, безусловно, принимались его новыми членами как на индивидуальном уровне, так и на групповом, теперь базовой тенденцией становится стремление сохранить свою «инаковость», даже ее подчеркнуть и заставить принять как ценность тем обществом, новым членом которого я становлюсь, а значит, требовать к себе уважения. С одной стороны, это противоречит логике и здравому смыслу, с другой – это неотъемлемый факт социальной реальности, с которым сталкиваются в своей повседневной деятельности сотрудники правоохранительных органов.

Зададимся вопросом, толерантно ли поведение названных субъектов, требующих к себе толерантного отношения? Как представляется, все зависит от характера этих «требований». Переехав жить на законных основаниях в другую страну, можно стремиться к тому, чтобы «раствориться» в массе ее населения, можно, «социально растворяться»,

внутренне продолжать осознавать свою «инаковость», поддерживать ее, например в сфере личного общения, можно же позиционировать свою «инаковость» в качестве определяющего индивида социального статуса. Все это встречается в среде, например русской эмиграции за рубежом (любой эмигрант из СССР или России – русский). Такова социальная воля субъектов, и современные демократические государства предоставляют индивиду право и свободу действовать по любому из названных сценариев. Но крайне неправильно требовать «русскости» от предоставивших индивиду гражданство немцев, испанцев, англичан. Они, проживая в своей стране, никогда не станут русскими. Русский же эмигрант, прожив несколько лет в данной стране, вполне может уже практически ничем не отличаться от коренного жителя.

Таким образом, индивид свободен в границах дозволенного обществом, дозволенного его позитивным правом, его системой социальных норм, традиций, обычаев. Если индивид не будет их нарушать, его будут уважать, в худшем случае – терпеть, но никогда не обидят и не позволят этого сделать никому. В этом смысле границы толерантности определяются границами осознаваемой индивидом свободы.

Толерантность как идеологический принцип раскрывает такой способ сосуществования, при котором достаточно эффективно могут быть преодолены разногласия в отношениях сторон, касающихся самых тонких и легко ранимых, а значит, вызывающих наиболее агрессивную реакцию чувств, интересов, ценностей. «Превращая совместное существование в существование совместимое, она способствует возникновению и развитию очень здоровой, по определению инструментальной культуры бытия» [2].

Проблема профилактики проявлений экстремальных жизненных установок особенно наглядно раскрывается при анализе жизненных установок молодежи [4].

К специфическим характеристикам данной группы следует отнести: неполноту социального статуса, порождающую маргинальность, неопределенность социальных позиций, выражающуюся, в частности, в том, что любой «чужой» – это «враг», хотя бы потому, что он «другой». «Другой» по внешности (например, субкультурной принадлежности), месту жительства (соседний двор, район), вере, национальности и т.д. То есть к этой группе факторов, в принципе, может быть отнесено все что угодно, что отличает одного человека от другого, которое в свою очередь может породить такую социальную оценку, как «враг».

К числу характеристик молодежи, способных повлиять на формирование интолерантного отношения, следует отнести также экстремальные формы реакции на окружающую действительность, связанные с завышенными ожиданиями, предъявляемыми как к окружающей среде, так и к себе самому. Это выражается в формировании неадекватных ролевых представлений, вызывает состояние фрустрации («тщетного ожидания»), вызывает недоверие к себе и окружающим, враждебность, ненависть. Ответной реакцией становится агрессивность, крайней формой которой является фанатизм.

Таким образом, крайними состояниями экстремальных настроений становятся фанатизм, представляющий радикальную направленность сознания, и нигилизм, отражающий преимущественно депрессивное его состояние.

Предметная сторона выявленных критериев представляет следующую картину. Экстремальность в сфере образования просматривается в форме нигилизма в равнодушном отношении к ней. В разной степени он проявляется среди 14,5 % учащихся и студентов. Высокая степень экстремальности, соответствующая значению «полностью равнодушен», характерна для 3,1 % учащейся молодежи. Каждый десятый (9,3 %) рассматривает образование как неизбежную обязательность. В трудовой сфере экстремальные настроения в разной степени нигилизма проявились у 10 %. У 2,6 % работающих молодых людей они достигли наивысшей степени (полностью равнодушен к работе). Труд как неизбежная обязательность в структуре ценностей присутствует у 7,8 % респондентов.

В бизнесе уровень экстремальных настроений анализировался на основе показателей, характеризующих отношение к предпринимательской деятельности, осуществляемой неправовыми способами, и отношение к богатству. В разной степени экстремальность проявилась среди трети (31,3 %) молодежи, занятой бизнесом, в том числе в высокой степени (в форме фанатизма – «делать деньги любой ценой»), среди 12,5 %. Фанатическое стремление к богатству проявилось в оценках 9,9 % респондентов.

В политической жизни оценка уровня экстремальных настроений производилась путем анализа степени доверия молодежи государственным и общественным структурам. Высокому уровню экстремальности соответствует вариант ответа «никому не доверяю», с которым согласились 9,3 % респондентов. Каждый десятый молодой человек выразил полное недоверие всем без исключения политическим институтам. Причем доля экстремально настроенной молодежи в политической жизни выросла за четыре года почти в два раза (в 2002 г. она составляла 4,8 %).

В досуге экстремальность измерялась по степени удовлетворенности участием в сборищах разного рода фанатов, в том числе музыкальных, спортивных и др. По данному показателю экстремальность в разной степени проявляется в досуговой сфере у каждого третьего молодого человека (29,3 %). В высокой степени фанатизм в досуге отмечается среди 8,9 % молодежи. В последние годы среди молодежи быстрыми темпами развиваются экстремальные виды спорта, активизируется деятельность экстремальных групп досугового поведения (экстремалов), повышается уровень риска при проведении спортивных и культурно-массовых мероприятий. К категории экстремальных проявлений нельзя не отнести алкогольную составляющую досуга молодежи. Каждым третьим респондентом (34,3 %) употребление алкоголя признается «важной» формой общения и «очень важной» – каждым десятым.

В групповом самоопределении об экстремальных настроениях свидетельствуют представления молодежи о ее собственной роли в обществе. Гипертрофированные представления о себе как Мессии, призванном установить общественный порядок, рассматривались в качестве признака экстремальности в поколенческой идеологии. Подобная экстремальность в направлении фанатизма проявляется у 69 % молодежи.

Экстремальные настроения четко прослеживаются и в жизненных ориентациях молодежи. Экстремальность отражается в таком показателе, как важность собственного превосходства над другими. Подобное представление о современных критериях социальной благополучности разделяют две трети (59,8 %) молодежи. Высокий уровень экстремальности радикальной направленности по данному показателю проявляется среди 15,5 % молодежи.

В выборе жизненной позиции показателем экстремальности выступал риск. Каждый пятый (23,5 %) респондент выбрал именно такую стратегическую модель социальной активности. Выявилось, что в наиболее крайних формах экстремальность молодежи проявляется во взаимодействии с социальным окружением – в отношении к мигрантам, богатым, чиновникам, представителям других религий.

В отношении к мигрантам радикализм проявили 41,4 % респондентов. Неприязнь к мигрантам с юга и юго-востока (кавказцам, вьетнамцам, китайцам и др.) в разной степени выразили 35 % респондентов, в том числе в крайней форме 10,5 %. В разной степени разделяют взгляды радикальных русских националистов, выступающих против роста численности мигрантов и лиц нерусской национальности в России, 21 % молодежи. Высокий уровень экстремальных настроений по данному показателю характерен для 7,5 % молодежи.

В отношении к богатым экстремальные настроения в разной степени (от ненависти до неприязни) выказали 22,8 % респондентов. Высокий уровень отмечен среди 6,1 % молодежи. В разной степени разделяют взгляды радикальных «левых» организаций, выступающих за социальное равенство, 20 % молодежи, в том числе высокий уровень экстремальности проявили 5,5 % респондентов.

В отношении к представителям других религий 38,3 % респондентов высказали экстремальные настроения. Всплески ксенофобии на религиозной основе подтверждаются

и убежденностью в том, что отрицательные черты, пороки человека связаны с его национальной принадлежностью. Так думают 40,2 % опрошенных. Сравнительный анализ свидетельствует о росте религиозной нетерпимости среди молодежи. В 2002 г. по данному показателю она равнялась 36,9 %.

Вместе с тем профилактика проявлений интолерантного поведения должна учитывать и следующий фактор: связь уровня экстремальных настроений с основными формами экстремистских проявлений. Иными словами, оценку степени опасности для общества наличия экстремальных жизненных установок.

В данном случае, исследователи [5] приходят к выводу, что эта связь далеко не однозначна. Так, связь экстремальных настроений в отношении к мигрантам с экстремистским поведением, хотя и прослеживается, но не является устойчивой. Формы ее проявления носят спонтанный, сиюминутный характер. Тем самым в практическом экстремизме решающее влияние оказывает принадлежность к малым группам преимущественно субкультурной направленности, а не к своему поколению как большой социальной группе.

Хотя связь экстремальных настроений в отношении к представителям других религий с проявлениями экстремизма прослеживается по всем показателям. Это подтверждает, что религиозная ксенофобия неизбежно ведет к экстремизму разного толка – от бытового до политического.

Социально-групповая интолерантность проявляется в различного рода фобиях: ксенофобии, исламофобии, кавказофобии, славянофобии и др. Исследуя эти феномены, чаще всего обращают внимание на «фобийную» составляющую этих явлений, то есть на социально-психологические аспекты. Социопсихологи считают, что в основе ксенофобии лежит триада – гнев, отвращение, презрение. Эти эмоции образуют поведенческий комплекс, обусловленный личностным и коллективным уровнем тревожности и агрессии. На коллективном уровне тревога выливается в «поиск виновных». Взяв такой психологический аспект, надо понимать ксенофобию именно как фобию, то есть страх, растормаживающий подсознательные реакции, страх иррациональный и от того не имеющий обоснования и направления. Поиск торможения, способа нейтрализовать страх ведет к ненаправленной агрессии. Тогда возникает психологическая основа инстинктивной ксенофобии. На нее могут накладываться исторически обусловленные формы этнического антагонизма, которые могут проявляться совсем не в форме фобии, а скорее вспышками неприязни, спорами и мифологизированием истории взаимоотношений.

Экстремальные социальные и психологические установки, с одной стороны, и прививаемые идеологические установки, с другой, являются источниками интолерантного поведения. Вместе с тем если последние выражаются, прежде всего, в идейных баталиях, пусть даже шумно обсуждаемых в прессе, а первые, в худшем случае, в личной неприязни и, как показывает статистика, не связаны напрямую с проявлениями насилия, то вполне закономерно возникает вопрос – чем обусловлено насилие на межэтнической почве в современном обществе?

Феномен ксенофобии имеет под собой много наслаивающихся друг на друга пластов: психология, история, культура, традиции, экономические и политические аспекты и пр. Вместе с тем в нашем обществе ксенофобия выступает, прежде всего, как система социально-групповых установок, имеющих распространение и действие в рамках конкретных социальных групп. Подтверждением может служить наша история поликонфессиональной и многонациональной Российской Империи, интернационального Советского Союза, где проблемы ксенофобии были по большей части проблемами узкогруппового сознания. С другой стороны, если говорить конкретно о Санкт-Петербурге, нельзя не учитывать такие факторы, как высокий уровень образованности жителей нашего города, определяющий их информированность, в том числе и по вопросам, связанным с культурными традициями, обычаями разных народов, большое число смешанных браков, наконец, присущую петербуржцам интеллигентность. Безусловно, ксенофобские идеи

неискоренимы ни в каком обществе, но для большинства они не преломляются в форму конкретных действий, а существуют на уровне личных суждений.

Таким образом, профилактика ксенофобии должна быть направлена, прежде всего, на деятельность конкретных социальных групп. Однако при этом надо иметь в виду, что в действительности ксенофобия как идейная установка социальных групп также может преследовать различные цели: политический пиар с целью борьбы за власть; прагматично-экономическую составляющую с целью борьбы за бизнес, за сферы влияния в бизнесе, за дешевую рабочую силу; наконец, собственно националистическую, расистскую составляющую, выражающуюся в утверждении исключительности той нации, расы, представителями и борцами за исключительные права которой члены этих групп себя считают (последнее особенно важно – ведь ни одна нация не делегировала им таких полномочий). Самое сложное здесь состоит в том, что все эти и еще многие факторы в действительности перемешиваются между собой, причем в непредсказуемой пропорции.

Общим для идейной ксенофобии выступает представление о том, что нация, интересы которой они позиционируют, в чем-то и кем-то ущемляется в своих правах, интересах и способах удовлетворения потребностей. И, естественно, основным виновником в этом им видится другая нация. Иными словами, в основе идейной ксенофобии лежит представление о социальной справедливости. Это представление подкрепляется утверждением (причем удостоверяемым реальными цифрами) о том, что в данном случае отстаиваются права, интересы, свободы нации, имеющей явное численное превосходство в данном конкретном обществе, нации, исторически проживающей на данной территории, то есть титульной нации. Если же допускается подобного рода классификация наций на титульную и остальные, то тем самым подразумевается, что у титульной нации таких прав, свобод, ресурсов и прочего должно быть больше. Собственно в этом и состоит социальная «справедливость». Ущемление этого «больше» недопустимо и должно караться. Более того, абсолютно недопустимыми представляются успехи в обладании большим объемом ресурсов представителями других наций. Поскольку социальная реальность подобного рода имеет примеры, что агрессия обращается на отдельных представителей той или иной нации. Цель – запугать, чтобы не приезжали, не занимали бизнес, рабочие места, и далее – места в школах, детских садах и т.д.

Таким образом, собственно выражения ксенофобии имеют исключительно экстремистскую природу и поэтому являются ни чем иным, как проявлениями экстремизма.

Исследование общественного мнения по разрешению данной проблемы показало следующее.

Чтобы не допустить в России роста межнациональной напряженности и конфликтов между коренным населением и мигрантами, власти должны ограничить приток в нашу страну иностранной неквалифицированной рабочей силы, ужесточить порядок их въезда и регистрации, считают 55 % опрошенных; 26 % полагают, что нельзя допускать концентрированного проживания мигрантов в отдельных городах и районах России («этнические гетто»); 28 % поддерживают предложение ужесточить наказание за пропаганду идей, разжигающих межконфессиональную и межнациональную рознь, 22 % – за запрещение деятельности всех экстремистских религиозных и политических организаций, 10 % – за жестокое пресечение любых несанкционированных уличных выступлений. И лишь 13–14 % поддержали такие меры, как легализация, повышение правовой защищенности мигрантов, улучшение условий их жизни [6].

Таким образом, вполне допустимо констатировать появление нового социального феномена – мигрантофобии. Данная картина вполне объяснима, исходя из анализа социально-экономического положения, при котором значительная часть коренного населения обеднела, а среди обогатившихся – значительная часть приезжие, в чем коренное население усматривает социальную несправедливость.

Вызывает ли эта ситуация всплеск протестных настроений?

Исследования, проводившиеся в июне 2010 г., показали, что протесты против падения уровня жизни стали казаться россиянам более реальными: доля тех, кто полагает, что они вполне возможны, возросла с 21 до 24 % и вернулась к показателям марта этого года. Одновременно меньше стало тех, кто считает подобные акции маловероятными (с 69 до 66 %).

В возможность возникновения протестов в своем населенном пункте уверены, главным образом, жители крупных и средних городов (34 и 31 % соответственно), сторонники партии ЛДПР и «Справедливой России» (34 и 35 % соответственно), а также малообеспеченные респонденты (30 %). Противоположной точки зрения придерживаются, в основном, жители малых городов и сел (72 %), приверженцы «Единой России» (71 %) и обеспеченные сограждане (72 %). Что касается личной готовности к участию в протестных выступлениях, то она в течение последних восьми месяцев остается стабильной: поддержать такие акции готов не более, чем каждый пятый россиянин (20–21 %). В большинстве – те, кто не планирует участвовать в выступлениях протеста.

Потенциальные участники протестов – это в первую очередь сельские жители (25 %), сторонники КПРФ (35 %) и малообеспеченные респонденты (30 %). Доля таких респондентов возрастает с 14 % пожилых до 25 % 18–24-летних. Не готовы поддерживать подобные акции, главным образом, столичные жители (73 %), сторонники «Единой России» (75 %), а также пожилые респонденты (76 %) и те, у кого средняя или высокая самооценка материального положения (72–73 %) [7].

Литература

1. Границы толерантности: перейден ли Рубикон?: беседа с членом правления Фонда «Институт Развития» Павлом Святенковым: [сайт]. URL: <http://www.kreml.org>. (дата обращения: 10.03.2013).
2. Гречко П. О границах толерантности // Свободная мысль – XXI. 2005. № 10.
3. Толерантность против ксенофобий / под ред. В.И. Мукомеля и Э.А. Паина. М., 2005. С. 9.
4. Ильинская С.Г. Толерантность как принцип политического действия: история, теория, практика. М.: Праксис, 2008.
5. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования. 2008. № 5.
6. Толерантность против ксенофобии: этнические симпатии и антипатии россиян / Всероссийский центр изучения общественного мнения: [сайт]. URL: <http://www.wciom.ru> (дата обращения: 20.05.2013).
7. Всероссийский центр изучения общественного мнения: [сайт]. URL: <http://www.wciom.ru> (дата обращения: 14.06.2013).